

Вячеслав ЗАЙЦЕВ:

Я всегда был ОПТИМИСТОМ, НО сейчас мой ОПТИМИЗМ притянут за уши

Он просыпается рано. Минут двадцать седьмого.

Полчаса на то, чтобы отойти ото сна, умыться, позавтракать. Зарядку не делает и никогда не делал: жалко времени. Да собственно нет в ней необходимости: за день дела уматывают так, как никакие тренажеры не сумеют.

Рабочий день начинается в семь — это три четверти часа, отведенные на рисунки, наброски новых моделей, эскизы. Возможно, эти зафиксированные на бумаге карандашные мысли никогда и не выльются ни во что конкретное, останутся только поиском на дальних подступах к чему-то. Но все равно ежеутренний тренинг будит мысль, держит в привычном творческом режиме.

Потом короткий путь от Арбата до его Дома моды. За рулем скромной "Нивы" шофер Гена. Сам Зайцев машину не водит. "Понимаешь, — объясняет, — у меня так отрубены мозги, что никогда всякие там механические, электрические штучки меня не привлекали. Я не понимаю их и не разбираюсь, стараюсь держаться с стороне".

Водители троллейбусов, объявляя остановку "Метро Проспект Мира", почти всегда добавляют: Дом моды Зайцева! Десятиэтажное здание стандартно-панельной архитектуры с фасадом, тронутым элементами евроремонта, уже стало приметой города. Для самого Зайцева оно — любимое дело, работа, хобби.

Он приходит сюда ежедневно ровно в восемь, за час до остальных сотрудников, за два, когда сюда придут первые ранние покупатели и клиенты, просто желающие посмотреть на новинки.

Тем, кто знаком с профессией модельера только по праздничным демонстрациям новых коллекций одежды, его утренние занятия покажутся странными. В салоне, просторном помещении на первом этаже, где посетители знакомятся с выставленной готовой одеждой, которую можно купить, заказать пальто, костюмы, платье, шляпку, галстуки, где в изысканных флакончиках выставлены духи, туалетная вода и прочий парфюм под игривым именем "Маруся", все с той же маркой "Слава Зайцев", выпускаемый в творческом содружестве с парижской фирмой "Л'Ореаль", он начинает передвигать вешалки и кронштейны с одеждой, менять порядок, в котором они были выставлены еще вчера.

— За шестнадцать лет у нашего Дома сложился свой посетитель, покупатель, клиент. Если экспозицию оставлять без изменений, глаз посетителей привлекает, не замечает новинку. Человек может пройти мимо вещи, при ином ракурсе ему может понравиться. Вкус — дело капризное. Тут важен не только вид модели, но и сочетание цветов, даже соседство ее с каким-то другим. Покупатель должен чувствовать, что о нем думают.

А в девять — обычный просмотр замечаний и пожеланий, высказанных покупателями и заказчиками накануне. Потом просмотр зал, где готовятся к очередному показу коллекции театра Дома. Длинные девушки и складные парни в тренировочных костюмах (на груди маек надпись "Слава Зайцев") оттачивают под музыку положенные по сценарию проходы, сценки, которые им придется изобразить во время демонстраций, но уже в пальто, костюмах, платьях. Зайцев делает замечания, что-то уточняет, кому-

то советует. Все слишком обыденно, чем-то напоминает обычную разминку спортсменов. Праздник будет позже, когда придет зритель.

А потом он поднимается в пошивочный и экспериментальный цех, заглядывает в примерочную, на склад. И так до самого вечера каждый день. Только в воскресенье он появляется здесь в десять утра. И одно и то же. Со стороны — рутина. Для него — все. Он и в отпуск даже не ходит, хотя мог бы позволить себе самые экзотические берега и острова. "Лет двадцать уже нигде не ездил отдыхать, — говорит он. — И нигде не тянет".

Я знаком со Славой Зайцевым больше тридцати лет. Все это время слежу за его творчеством и, пожалуй, мог бы рассказать, как с годами менялся его стиль. И мог бы сообщить об успешных показах его коллекций за рубежом. Но моделирование одежды — это тот труд, результаты которого надо видеть. Да еще и в соответствующей обстановке. Это не может быть описано словами. Необходимы зримые детали. Поэтому эту часть своего рассказа ограничил лишь одними воспоминаниями.

В 1974 году известный зарубежный журнал, специализирующийся на моде, напечатал портреты модельеров-художников, которые оказали заметное влияние на развитие мировой моды в этом веке. Среди портретов таких величин, как Поль Пуаре, Кокко Шанель, Кристиан Диор, было помещено и фото Зайцева. До того такой чести не удостоивался ни один из советских мастеров. Конечно, были у нас таланты и в этой области. Но Зайцев первым пробивал дорогу в мировую элиту художников, которые диктуют моду. Он уже тогда состоялся как художник в этой непредсказуемой, подверженной метаниям области искусства.

Тут бы и добавить было бы нечего, но я хотел сказать о другом. О том, что в какое-то время начинала волновать каждого. О дорогах, которые мы выбираем, о непредсказуемости этого процесса. Строго говоря, нынешняя профессия Зайцеву и не снилась. Как и положено большинству мальчишек, он мечтал о профессии летчика. Но в те времена путь в военное училище для него был перекрыт: отец во время войны попал в плен. Он хотел петь в оперетте, потому что в родном Иваново театр оперетты был самым популярным очагом культуры. Слава с успехом пел в школьном хоре и даже на одном из конкурсов художественной самодеятельности был награжден отрезком на школьную форму. Для сына уборщицы, едва сводившей концы с концами, та награда была ярчайшим событием.

Но и с карьерой певца что-то не сошлось.

А вот в текстильный техникум его привел случай. Туда собиралась поступать соседка-ровесница, которая боялась вступительных экзаменов. Вот и уговорила экзаменера пойти на экзамены за компанию, для храбрости. Он согласился поддержать, а вышло так, что выдержал экзамены лучше других абитуриентов. Стал учиться. Понравилось. Окончил техникум с отличием и без экзаменов был принят в московский институт. А после него работа на предприятиях легкой промышленности, во Всесоюзном Доме моделей, что на Кузнецком мосту, со всеми этими низкими зарплатами, эти вотрепка-

маты, когда непрофессионалы и невежды учат тебя тому, в чем сами не разбираются.

Ему было всего двадцать пять, когда на предлагаемые им модели обратили внимание. Французы решили поснимать молодого русского кутюрье в неформальной семейной обстановке. И она оказалась уж очень неформальной. Подававший надежды модельер с женой и маленьким сынишкой утисился в восьмиметровой комнатке, и французскому фотографу, чтобы захватить побольше пространства, пришлось взбираться на холодильник.

Сообщая это не для того, чтобы высечь слезы удивления или сочувствия: вот, мол, как трудно приходилось таланту. Отнюдь. Просто хочу сказать, что порой не особенно и важно, кто выбирает жизненный путь: сам человек или же эти самые дороги. Более существенно другое: кто и как по тем дорогам шагает.

И судить о том порой помогают не какие-то великие свершения, а незаметные детали. Его предыдущая квартира находилась в узком переулочке позади библиотеки имени Ленина. В старинном доме с высокими потолками когда-то жила, видимо, обеспеченная публика. Но пришло время, и роскошные квартиры новые хозяева превратили в коммуналки, начали делить и перекраивать жилплощадь сообразно своим вкусам и нуждам. Так вот в какой-то момент тут поселился и Вячеслав Зайцев. Я бывал в той квартире и был поражен тем, как из ничего можно сделать очень много. В той огромной некогда квартире ему отжалели две небольшие комнатки метров тридцати площадью и кухню, объединенные воедино длинным узким коридором, который отсекал все от двух других квартир. Нелепой комбинации жилья в сочетании с высокими потолками навело мысль о трехкамерной мышеловке. Но тут жил художник, и он увидел в этом сооружении то, чего не видели другие смертные. Огромную плоскость белой стены в узкой кухне он украсил... тремя пустыми рамами, для картин. Объяснил, что вначале думал нарисовать на стене фрески, которые эти рамы и должны были оторачивать. Но потом увидел, что уютнейшее плоское пространство уже разбито и не обращало на себя внимание так, если бы оно было заполнено какими-то изображениями. Так и остальные две ком-

наты, которые при их высоте все время тянуло положить на бок, были увешаны рисунками, акварелями автора, чешскими расписными тарелками, рисунки к которым предложил Зайцев.

Двенадцать лет назад жильцов этого дома выставили. Говорят, по указанию Раисы Максимовны его хотели приспособить для нужд библиотеки Ленина. Славе дали вместо прежней двухкомнатную квартиру на Старом Арбате. Скромную, без излишеств. Переночевать вполне годится. Но кровать поставить негде. Тесно. Завести раскладной диван — хлопотно. Складывать-раскладывать, застилать постель, собирать ее — бесцельно тратить уйму времени. Он обходится итальянской раскладушкой: вечером в минуту разложит и спи. Утром без мороки поднял ее — получился небольшой шкафчик-тумбочка. Она вполне устраивает, если не делать изо сна культа, и, главное, экономит время, которого остается так мало.

После каждодневной суестьи на творчество остается немного: своим рисункам, картинам, эскизам к будущим картинам он отдает с десяти вечера до двух ночи — гораздо меньше того, как хотелось бы. Тратить себя на квартиру в наше непрогнозируемое время он считает занятием нерациональным и рискованным. Никогда не знаешь, куда и почему погонят тебя в следующий раз.

Он надеется только на себя. Когда-то мечтал иметь собственный Дом моды, чтобы клиент, посетив его, мог получить тут все. Здесь бы могли помочь ему найти собственный имидж. Над созданием его образа поработали бы парикмахеры, визажисты, косметологи. Партнеры сшили бы костюм и платье. Перечтройка позволила акционировать десятиэтажную коробку и ощущать занятием прежние мечты. Теперь тут есть все, о чем когда-то думалось, и даже свежее того обустроен современный солиерий. Но главная проблема осталась прежней — нет денег. 92 процента прибыли уходит на оплату налогов, аренды, коммунальных услуг. Он "хлопает" в свой дом гоночары за использование своего имени фирмой "Л'Ореаль", сюда идут и деньги от продажи его картин — все мало. Уходят специалисты, которые нужны Дому, но которым нечем платить. Все те же проблемы, что у шахтеров, металлургов, военных. И наваливающиеся эти проблемы отбирают время у творчества — главного дела жизни.

Две недели назад в Москву приезжал знаменитый итальянский модельер Ферре. За обедом, данном в престижном московском ресторане, Зайцев спросил гостя о его возрасте.

— Мне уже пятьдесят три. Вам, конечно, меньше, — ответил итальянец.

— Мне уже шестьдесят... — А вы смотрите вы, как мой сын...

Он и вглядеть не бы это сказать... выгляды как по годам. Не то, чтобы остался таким же, как был тридцать лет назад — нет. Он, если можно так выразиться, значительно возмужал, но на свои годы не тянет. Как будто его миловали передраги в том деле, которому он отдал тридцать шесть лет.

Но внешность обманчива. Когда мы заговорили о цикличности моды, о ее склонности возвращаться через какие-то периоды, наш разговор почему-то вильнул в начало

века, когда мода переживала некий болезненный излом, излишнюю усложненность, будто жила в предчувствии надвигающихся катаклизмов. И действительно, вскоре началась Первая мировая война. Подобное повторилось в конце тридцатых — и снова была ужасная бойня.

На последних показах своих коллекций многие художники предложили тему модерна конца XIX, начала XX веков.

— Они чувствуют что-то тревожное. Да я и сам это ощущаю.

— И это влияет на твои нынешние модели?

— Я русский, я не имею права на то, чтобы мое отчаяние выплеснулось в моду. Вот в рисунках, в том, что я делаю только для себя, — другое дело.

— У тебя бывают минуты отчаяния? Не ожидал...

— Причин для этого полно. Вся жизнь — сплошной надлом, сплошная борьба. Я нормальный, здоровый человек и всегда был оптимистом. Но сейчас мой оптимизм притянут за уши. Я не вижу будущего, честно скажу.

Раньше моя работа зависела от чиновников-самодуров из легпрома. Они в нашем деле ничего не понимали, но могли запрещать. Теперь никто ничего не запрещает, всем просто безразлично, что я делаю.

Этого я от него не ожидал услышать. Когда-то я спросил его, думал ли он в былые годы, что станет известным художником-модельером, что будет выставляться в Париже, обшивать знаменитейших женщин страны. Он ответил:

— Никогда ни о чем таком я не мечтал. Ни в своем Иваново, ни когда учился в Москве, ни даже работая во Всесоюзном Доме моделей на Кузнецком мосту. Никогда.

Понимаешь, я не прагматик. Поэтому никогда не строил планы относительно своего будущего. Я просто жил. Радовался и благодарил Бога, что утром смог увидеть солнце, что днем была хорошая погода. Да и плохая радовала не меньше. Жизнь сама по себе — прекрасная, просто сказочная штука. Это счастье. Хотя иногда случаются минуты жутчайшего отчаяния. Главное — не подчиниться обстоятельствам...

По-моему, Слава и сейчас не поддается им и о будущем все-таки думает. Под Москвою, в деревне на тихой, как он выразился, безымянной речке он уже пятый год строит трехэтажный Творческий центр. На верхнем — студия. В двух нижних думает собрать все свои модели, картины, рисунки, гуаши, графику. Хочет оставить после себя для следующих поколений модельера. Для всех, кто захочет познакомиться с его творчеством.

Я нашел на карте ту деревеньку и ту безымянную речку. Она оказалась Ворей, той самой Ворей, на берегу которой (правда, выше по течению, когда она пребывает еще в ранге ручья) любил гостить у хлебосольного хозяина русские художники. Многие из них посетители на своих полотнах и этот дивный ручей и негромкие красивые окрестности, наш русский Барбизон — Абрамцево.

Времена имеют привычку переключаться. Дела людей — тоже. Верю, когда-нибудь Слава поднимется вверх по течению этой скромнейшей речушки. Не на авто, которые он не понимает, а пешком, по берегу. И через сто лет посмотрит на окрестности глазами давно ушедших предшественников, которые когда-то творили здесь... Встречался Леонид ПЛЕШАКОВ.

Веч. кувр. - 1999. - 26 февр. - с. 7.